

ВЕНГЕРСКИЙ СЛЕД В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.М. ГИЛЯЗОВА

М.М. Хабутдинова

Казанский федеральный университет,
42008, Россия, Казань, Кремлевская 18.

В статье рассматривается роль венгерской темы в творчестве татарского писателя А.М. Гилязова. Материалом для анализа послужили как художественные произведения писателя, так и его публицистическое и эпистолярное наследие.

Доказано, что интерес к Венгрии обусловлен у А.М. Гилязова биографическим фактором. С венграми татарский писатель впервые столкнулся во время учёбы в Казанском университете. Студенты из Венгрии, обучавшиеся на юридическом, историко-филологическом факультетах вуза, были хорошо образованны, отличались знанием нескольких языков. Более близкое знакомство с венграми состоялось в условиях сталинского лагеря в Караганде в 1950–1955 гг., куда А.М. Гилязов попал после ареста. Здесь он подружился с Арпадом Галгоци. Венгры держались в Карагандинском лагере сплочённо, во всём помогая друг другу. Они выделялись среди узников уровнем образованности, отличались чувством собственного достоинства. А.М. Гилязов проникся ещё в лагере уважением к представителям этого народа, что и послужило основой для творческого осмысления венгерской темы в будущем.

В произведениях писателя венгры выступают в роли эпизодических персонажей. На основе анализа архивных материалов нами выявлены прототипы героев-венгров, реконструирован протосюжет венгерской темы. Доказано, что образ Венгрии и её граждан у писателя является многослойным конструктом, включающим в себя представление о государстве и его политике, культуре и национальном характере.

Ключевые слова: татарская литература, Аяз Гилязов, проза, публицистика, Венгрия, венгры.

Введение

Если обратиться к творчеству татарского писателя Аяза Гилязова (1928–2002), то легко обнаружить присутствие венгерской темы в его наследии. Нас заинтересовала специфика репрезентации Венгрии в произведениях классика татарской литературы. Мы отобрали и систематизировали тексты, где А.М. Гилязов формирует образ Венгрии и венгров как *Другое*. В орбите нашего внимания оказались повесть «Берәү» («Один») [4, с. 10–102], очерк «Татарстан могжизасы» («Чудо Татарстана») [6], роман-воспоминание «Йәгез, бер дога!» («Давайте помолимся!») [3, с. 9–411] и письма [5]. Научная новизна нашей работы состоит в комплексном изучении представлений татарского писателя о Венгрии, которые стали частью национальной картины мира татарского народа.

Методология

Теоретической базой нашего исследования стали работы С. Дюкина [7], Т. Бреевой [1–2], Л. Хабибуллиной [2, 14] и других. При рассмотрении образа Венгрии и венгров мы используем имагологический, историко-культурный, литературоведческие методы.

Обсуждение

Стоит отметить, что контекст российско / советско – венгерских отношений на протяжении целого столетия развивался в негативном ключе. Это было обусловлено тремя фактами: подавление войсками Российской империи венгерской революции 1848–1849 гг.; участие венгров в составе Австро-Венгерской империи в Первой Мировой войне на стороне противников России; антикоммунистический режим Хорти (1920–1944), который начал своё существование

с подавления Венгерской Советской республики и закончил массовым участием венгерской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на стороне нацистской Германии. Пребывание Венгрии в социалистическом лагере позднее было омрачено восстанием 1956 года.

Венгерская тема в творчестве А.М. Гилязова встречается не только в прозе писателя, но и в публицистике и письмах. Интерес к Венгрии вызван, с одной стороны, биографическим фактором. Татарский писатель учился с венграми в Казанском университете. В КАРЛАГе (Карагандинский лагерь), куда А.М. Гилязов попал после ареста и приговора по 58-й статье, он сблизился с художником Арпадом Галгоци (1928). После реабилитации, став писателем, А.М. Гилязов состоял в деловой переписке с венгерским переводчиком – полиглотом Даби Иштваном (1943). С другой стороны, венгерская тема в его творчестве эксплуатируется в целях укрепления татарской идентичности. А.М. Гилязов делится в ряде произведений своими наблюдениями над венгерским национальным характером, чтобы разбудить в своих современниках чувство национальной гордости и убедить в необходимости противостояния ассимилятивным процессам, которые стали результатом национальной политики в СССР. Татарский писатель в своих размышлениях о природе национального отталкивается от истории древних контактов татар с венграми. Предки венгров мадьяры, продвигаясь в Европу со стороны Алтая, Сибири, проходили по правому берегу Камы через территорию современного Татарстана, смешивались с местным финно-угорским, автохтонным населением и взаимодействовали с тюрками – предками татар. На это указывают сохранившиеся артефакты, а также древние курганы на территории Татарстана и Башкортостана. В венгерском языке встречаются тюркские заимствования, относящиеся к периоду «до Переселения» (V–VI вв.) и из пласта «кумано-печенежской» лексики (X–XIII вв.) (См. подробнее [12]). Татары и венгры обнаруживают общее в ментальности. Сравнительно-сопоставительный анализ современных венгров и татар в аспекте национальной идентичности оказался не в пользу последних, что стало основой для формирования критических взглядов татарского писателя. А.М. Гилязов в своих произведениях пропагандирует национальные ценности татарского народа, знакомит с историей и национальными образами мира, уделяет внимание проблеме национального характера. Венгер-

ский опыт сохранения национальной идентичности в XX веке, по убеждению писателя, может быть востребован татарами, над которыми нависла угроза ассимиляции.

Результаты

В ходе анализа художественных текстов А.М. Гилязова выяснилось, что образ Венгрии складывается у татарского писателя на основе личного опыта и из стереотипных представлений о стране в целом (государственная политика, история, культура, традиции) и её гражданах (национальный характер, стереотипы). У писателя был личный опыт общения с венграми в годы учёбы в Казанском университете и период пребывания в лагере КАРЛАГ.

Впервые к венгерской теме А.М. Гилязов обратился в повести «Берәү» («Один») (1959) [7, с. 10–102], опубликованной лишь спустя 7 лет после её создания. Размышляя над судьбой своих ровесников, в годы Великой Отечественной войны героически трудившихся в тылу, татарский писатель протестует против миграции татар по территории СССР в поисках лучшей доли. А.М. Гилязов расценивает отъезд татар как предательство. Критики выдвинули в адрес автора серьёзное обвинение: «очернение советской действительности». Произведение было опубликовано лишь на волне успеха повести «Өч аршын жир» («Три аршина земли») (1962), которая получила в 1963 году премию журнала «Дружба народов» [8].

На русский язык повесть «Берәү» («Один») была переведена М. Ганиной и вначале была опубликована под названием «Вернись к истоку» (1973) [4], а затем – «При свете зарниц» [6]. А.М. Гилязов в своих воспоминаниях указывает, что эта повесть является данью памяти «детям войны». «Война унесла не только жизни многих моих знакомых, но и погубила целое поколение, представители которого должны были стать мне ровесниками. Целое поколение выпало из истории человечества...», – так он объяснил природу авторского замысла в одном из своих интервью (Цит. по: [7, с. 497–498]). Рисуя жизненную драму главного героя повести Исхака Батуллина, писатель размышляет о роли родины и семьи в жизни своих современников (См. подр. [15: 190–191; 16: 578–588]). А.М. Гилязов впервые обращается к венгерской теме, когда описывает учёбу героя в Казанском университете. И. Батуллин ходит на заседания литературного кружка на историко-филологическом факультете университета, где «студенты обычно читали друг другу свои творения, обменивались мнениями по поводу тех

или иных литературных новинок» [13, с. 147], встречались с писателями. А.М. Гилязов, рисуя портреты кружковцев разных национальностей, акцентирует внимание на студентах-венграх. Писатель успешно эксплуатирует потенциал антитезы: венгерские – татарские студенты, молодые авторы – известный татарский поэт. Каждый участник литературного кружка увиден и оценён взором главного героя повести. В остро сатирическом ключе даётся портрет известного поэта – члена Союза писателей ТАССР. Исхак, слушая выступление настоящего, “живого поэта”, испытывает вначале любопытство и восторг, а затем – недоумение и недовольство: «свою поэму “О счастье” известный поэт «читал громко, грубым голосом, словно на кого-то сердясь, нелепо размахивая правой рукой» [...]. «Поэт был среднего роста, рыжий, с бурым лицом человека, любящего «заложить за воротник»». «Потом читали стихи члены кружка, в их стихах жизнь тоже была сытной, прекрасной, «лучшей в мире»»... [7, с. 71]. «Стихи о необыкновенно прекрасной жизни» «громкоголосового поэта» оставили в душе героя горестный след, т.к. не соответствовали реальному положению дел в послевоенной деревне [7, с. 72]. В памяти Исхака после заседания то и дело оживали образы венгерских студентов. Это студент-историк, «кудрявый черноусый парень в красивом, полуспортивного покроя костюме», игравший на пианино венгерскую национальную танцевальную мелодию «Чардаш». Четыре его товарища, державшиеся в студенческой аудитории «уверенно, по-хозяйски», которые, никого не стесняясь, говорили на родном языке. Оказалось, что они знают не только русский язык, но и целый ряд европейских языков [7, с. 73]. Исхак остро переживает из-за того, что его друзья-татары неуверенно чувствуют себя в университете, так как плохо говорят по-русски. В его душе ещё не затянулась рана, полученная в годы учёбы в школе. Исхак как-то вывел своё имя на школьной доске старотатарской вязью. Учительница высмеяла его на уроке за то, что «он, как мулла, учит «божественные» буквы. Мардия апа отвела мальчика к директору, где его отругали за то, что он «учит буквы Корана»» [7, с. 70]. Тем не менее Исхак тайком выучил арабские буквы, чтобы читать письма матери.

Советская пропаганда утверждала, что «СССР – оплот всего передового», а внешний мир – пространство кризисов и угнетения, источник агрессии. Венгры на кружке выделялись

не только своим поведением, но и внешним видом (костюмы, пальто, европейская обувь). Возвращаясь с кружка, герой невольно сравнивает венгров с татарами и приходит к неутешительному выводу: «Стихи о необыкновенно красивой жизни... Потом венгры, так же просто, как их рябой Василь на трёхрядке, игравшие на пианино... Ведь и в Венгрии была война, фашисты. Когда же эти парни успели выучить европейские языки, когда они учились музыке?.. Его мать, сёстры, работая дни и ночи, не смогли из-за войны купить Исхаку даже простую тальянку, о которой он так мечтал... Есть, значит, у судьбы любимые и нелюбимые дети...» [7, с. 72].

Исхак Батуллин восхищается уровнем образования венгров после венгерской гимназии. Он мечтает, чтобы его дети в будущем были похожи на венгерских студентов. Исхак надеется, что, получив достойное образование на родном языке, сможет изменить жизнь в родном селе к лучшему. Однако действительность не оправдала его надежд. Исхак после столкновения с уполномоченным из района сбежал из Куктау на Урал в поисках лучшей доли. Внутренние монологи героя позволяют писателю раскрыть жизненную драму не только Исхака, предавшего родину, но и матери, мечтавшей воспитать сына-хлебороба себе на замену.

Сопоставив портреты венгров из повести с описанием национального характера венгров в энциклопедическом словаре Брокгауза-Эфрона: «Во всей фигуре и выражении лица мадьярского крестьянина проглядывается чувство собственного достоинства и спокойствие, не позволяющее даже и подозревать, какую бурную энергию способен он проявить во время возбуждения», мы пришли к выводу о том, что психологический портрет венгров у А.М. Гилязова схвачен верно (Цит. по [7, с. 61]).

Рисуя конфликт Исхака Батуллина с председателем колхоза и уполномоченным, писатель констатирует, что у татар в рамках советской реальности было мало шансов стать «баловнями судьбы». Исчезновение школ с родным языком обучения вело к русификации и ассимиляции татар. Таким образом, венгерская тема помогает А.М. Гилязову в создании подтекста. Мы сталкиваемся со скрытой критикой государственного устройства и национальной политики в СССР. Скитание и странствия в произведении преподносятся как трагический образ, утвердившийся в исторической памяти этноса, что сближает татарского писателя с венгерскими авторами

(Э. Ади «Всегда опаздываем всюду...», Ш. Петефи «Глупый Ишток»)) (См. подр. [11, с. 26]).

Нам удалось разыскать прототипов венгерских героев повести. Во время презентации венгерского перевода романа А. Гилязова «Давайте помолимся!» [21] 16 июня 2017 года в Будапеште мы познакомились с Жужанной Варгой, чей отец – Михай Варга – учился в 1948–1953 гг. в Казанском университете на историко-филологическом факультете. Она предоставила нам фотокопии выпускного фотоальбома курса и рассказала о судьбе однокурсников отца. Оказалось, что М. Варга учился в одной группе с татарскими литературоведами Энгелем Нигматуллиным и Ильдусом Ахунзяновым. А. М. Гилязов учился параллельно с ними на татарском отделении университета. Среди его сокурсников были Ибрагим Нуруллин, Нил Юзеев, Рашат Гайнанов, Абрар Каримуллин, которые в будущем стали известными татарскими литературоведами и текстологами.

Вместе с М. Варгой в 1953 г. на историко-филологическом факультете учились венгерский кинорежиссер Витез Габор, Вирт Адам, киноматург Лукачи Дюла, переводчик Юхас Йожеф (1928–2016). Все они посещали литературный кружок. Юхас Йожеф прославился в Венгрии как выдающийся лингвист и переводчик. В 1971 г. на венгерском языке увидела свет книга «Житие протопопа Аввакума». Ее перевел с русского языка Юхас Йожеф. Он является также составителем и главным редактором Венгерского толкового словаря (1972). Достижения выпускников-членов литературного кружка 1948–1953 гг., с одной стороны, свидетельствуют о неординарности их личности, с другой стороны, косвенно указывают на высокий уровень обучения в Казанском университете в послевоенный период.

Вместе с М. Варгой в 1953 году на историко-филологическом факультете учились венгерский кинорежиссер Витез Габор, Вирт Адам, радиожурналист Лукач Дюла, поэт, переводчик Юхас Йожеф (1928–2015). Все они посещали литературный кружок. Юхас Йожеф стал главным редактором будапештского журнала «Уй раш», лауреатом премий Баумгартена (1948), Атилы Йожефа (1950), Премии им. Кошута (1951, 1973), «Золотой венец» (1992), Премии «Prima Primissima» (2007) и др. Известно, что он перевел труды Протопопа Аввакума на венгерский язык. Достижения выпускников – членов литературного кружка 1948–1953 гг., с одной сторо-

ны, свидетельствуют о неординарности их личности, с другой стороны, косвенно указывают на высокий уровень обучения в Казанском университете в послевоенный период.

К венгерской теме А.М. Гилязов вновь возвращается при работе над очерком «Татарстан могжизасы» («Чудо Татарстана») [10, с. 223–299]. Размышляя о голодной юности в послевоенной деревне, о судьбе своего поколения, татарский писатель приводит в очерке ряд архивных документов (телеграммы, донесения, отчеты) из журнала «Коммунист» (№4, 1975), где содержится информация об объемах продовольственной поддержки, которую оказал СССР европейским странам, освобожденным от фашизма [10, с. 233]. Осмысляя эти документы, датированные 1944–1945 гг., рассекреченные в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне, А.М. Гилязов размышляет о том, как дорого обошлась эта продовольственная помощь его землякам:

«Помню, как в 1944 мы до осени возили хлеб в Челны. Хлеб! Мы везли, оторвав из своей доли. Оказывается, поставляемые нами хлеб, молоко, мясо предназначались для питания не только соотечественников! Советский солдат спас народы Европы не только от фашистского рабства, но и на деле, в реальности продемонстрировал, что включает в себя интернациональный дух. В то время, когда большая часть страны пребывала в разрухе, в тылу был страшный дефицит продовольствия, наши отцы-братья под дождем немецких снарядов делились хлебом, мясом с детьми евреев, коммунистов» (Подстрочный перевод здесь и далее наш – М.Х.) [10, с. 233–234].

Читая документы, рассказывающие о продовольственной помощи, оказанной Будапешту, Варшаве, Вене, Праге, Белграду, Берлину, А.М. Гилязов испытывает чувство гордости за своё поколение, вынесшее на своих плечах все тяготы войны: «Послевоенные годы укрепили нашу совесть: хотя мы голодали, однако мы нашли в себе силы бороться, победили, мы были очень храбрыми и скромными. Я горжусь тем, что увековечил чистоту духа людей военной поры во многих своих произведениях» (подстр. пер.) [10, с. 235].

Венгрия, как в повести, так и в очерке, позиционируется как страна социалистического лагеря. Так, например, размышляя о значении нефтепровода «Дружба», в 1964 г. А.М. Гилязов называет Венгрию «братской социалистической республикой» [10, с. 235]. Писатель гордится тем,

что жители родной республики внесли после Великой Отечественной войны посильный вклад в восстановление народного хозяйства в странах Восточной Европы.

В письмах А.М. Гилязова перестроечной поры Венгрия получает новую характеристику – это родина его друзей, место отдыха советских граждан за границей. В сталинском лагере А. Гилязов успел познакомиться и подружиться с узниками-венграми. После реабилитации ему не удалось выйти с ними на связь, хотя Венгрия превратилась в одну из стран социалистического лагеря в Европе. В архиве сохранились письма писателя, которые свидетельствуют о том, что он не раз пытался разыскать своих венгерских друзей. Так, например, в письме к венгерскому переводчику турецкой литературы Даби Иштвану от 26.08.1989 г. А. Гилязов просит его помочь разыскать лагерного друга Арпада Галгоци: «На тюремных-лагерных дорожках я встретил много мадьяров. Среди них был талантливый художник по имени Арпад Галгоци. Не встречал ли ты это имя на небосклоне венгерской культуры? Арпад Галгоци был высоким, статным и красивым венгром!» (подстр. пер.) [9, с. 330].

В ряде писем вновь звучала тема свободы Венгрии, знакомая нам по повести «Берэу» («Один») [4]. Так, в письме к Г. Шарафутдинову от 19 октября 1989 г. воодушевлённый демократическими переменами в стране А. М. Гилязов делится с другом своими наблюдениями и опасениями: «В Казани большие изменения! Молодёжь стрелой взметнулась вверх, не успеваешь за ними взглядом уследить, пусть дарует Аллах им милосердие, превратит их в живущих заботами народа ... Неужели эпоха принесёт изменения и в Татарстан? Надолго ли? Ветры из Польши, Венгрии, коснувшись дверей обкома, заставили их вздрогнуть? Пусть всё будет к хорошему, к добру! Татарский народ зажат, забит, его дух-сила расшатаны, писатели без голоса, те, кто со своим словом, лишены сил» (подстр. пер.) [9, с. 350-351].

В письме к жене от 19 октября 1989 г. из Дома творчества в Малеевке, осмысляя характер переживаемых перемен в стране, А.М. Гилязов замечает: «Сегодня партия переживает трудные времена, её судьба под дамокловым мечом. В странах, таких как Польша, Венгрия, коммунистов отстранили от управления государством, это не случайное веяние, этот процесс скоро охватит и другие страны» (подстр. пер.) [9, с. 352].

Мы можем констатировать, что в письмах писателя Венгрия превращается в страну, которая первой возвестила миру о крушении коммунистической системы. В дальнейшем эта мысль получит расшифровку в итоговом романе-воспоминании А.М. Гилязова «Йәгез, бер дога!» («Давайте помолимся!»): «Вожди-коммунисты потихонечку поднимают головы... Да, им мало Берлинской стены, восстаний в Венгрии и Чехословакии, распространения большевистской чумы в Анголе, Эфиопии, Никарагуа, во Вьетнаме и Кампучии, они хотят на всех пяти континентах установить свой кровавый, диктаторский режим... Ни в одной стране, куда смогли протянуть руки коммунисты, не установился порядок. Не нашлось пока средства от этой хвори, опутавшей Земной шар» (пер. Н.Ишмухаметова) [5, с. 53].

А. Гилязов создаёт в романе целую галерею портретов узников ГУЛАГА разных национальностей. Читатель получает возможность познакомиться с неоднозначным укладом жизни в КАРЛАГе. Из потока лагерных будней писатель выхватывает лики заключённых, надсмотрщиков, лагерного начальства, демонстрируя мастерство портретной характеристики, чтобы читатель осознал все ужасы лагерной жизни. Особую роль при этом играет антитеза. Богатство души арестантов противопоставляется в романе их неприглядному внешнему облику. Государство стремилось превратить своих граждан в безликую серую массу «винтиков», а в романе они увековечены под своими именами. От зоркого взгляда писателя не ускользнул талант каждого, неповторимые черты их натуры. А.М. Гилязов изобразил арестантов достойными людьми. Чтобы увековечить их память, для каждого писатель нашёл доброе слово.

В галерее узников особое место занимают образы венгров. Заключённые называют их порой мадьярами, «мадьярами-немцами», помятуя об участии венгров в Великой Отечественной войне на стороне Германии. А.М. Гилязов отзывается об этих арестантах с глубоким сочувствием и уважением. Писатель акцентирует внимание на трудностях, с которыми им пришлось столкнуться, находясь в сталинском лагере: отсутствие связи с родными («мадьяры-немцы», «не имеющие возможности получать письма с родины» [5, с. 209]), коммуникативные проблемы («не знающие ни слова по-русски арестанты-венгры» [5, с. 255]), голод, физические нагрузки. В романе А.М. Гилязов делится своими наблюдениями

над национальным характером узников разных национальностей, оказавшихся в критической ситуации (например, голод в лагере). Венгры держались в лагере дружно, выхаживали ослабевших от голода товарищей.

Особое место в галерее портретов венгерских узников ГУЛАГа занимает образ Арпада Галгоци: «Раз уж упомянул, то выскажу несколько слов уважения в адрес Арпада Галгоци (написание ФИО даётся в авторской интерпретации – М.Х.). Видным был этот венгерский парень: подвечий тонкий в талии, по-мужски высокий и крепкий, изящный, как и положено людям искусства, большеглазый и очень красивый. Он был художником зоны. Сколько жён, детей и матерей за тысячи километров плакали, наверное, над нарисованными им портретами близких людей!.. Именно там, в зоне, я понял, каким бывает «фотогеничное» лицо. Некоторых Арпад рисует «точь в точь», а кто-то его карандашу не поддаётся.

Арпад тоже пропал. А может, в пятьдесят шестом, когда ненасытные советские войска вошли в венгерскую столицу, город Будапешт, этот парень с поэтической душой, на своей шкуре познавший истинную суть советского режима, власти большевиков, с голыми руками вышел против окровавленных, мчащихся с рёвом и лязгом советских танков? Гордым был венгр Галгоци...» (Пер. Н. Ишмухаметова) [5, с. 266-267].

В процессе нашей исследовательской работы нам удалось разыскать друга А.М. Гилязова. Арпад Галгоци известен в Европе как переводчик русской литературы. Он перевёл произведения 68 русских поэтов – около 500 стихотворений. Венгерский писатель является кавалером ордена Дружбы – высшей государственной награды России, которую вручают иностранным гражданам. Эту награду переводчик получил из рук Б. Ельцина. Арпад Галгоци по приглашению Казанского федерального университета дважды приезжал в Казань и способствовал тому, чтобы книга А.М. Гилязова была переведена на венгерский язык. Русский и венгерский переводы романа вышли в свет с предисловием Арпада Галгоци. «Он был мне другом, братом! Это была настоящая мужская, лагерная дружба», – вспоминает венгерский переводчик о дружбе с А.М. Гилязовым в КАРЛАГе.

Судьба их свела в одном лагере на короткий срок (3,5 месяца). Однако эта встреча оставила заметный след в их творческой биографии. В 1990-е гг. А.М. Гилязов и А. Галгоци приступили

к созданию автобиографических произведений, где одной из ключевых тем станет тема ГУЛАГа. Перу А. Галгоци принадлежит трилогия книг «Венгры в ГУЛАГе» (2007–2009) [18-20]. В память о татарском друге в 2017 году венгерский писатель написал рассказ «Ни шагу» [3].

Во время презентации венгерского перевода романа «Давайте помолимся!» [21] в Будапеште мы познакомились также с сыном «именитого венгерского саксофониста», обладателя «хохочущего саксофона». Речь идёт о герое романа – Лайоше Мештерхази. А.М. Гилязов с восхищением вспоминает о «знаменитом венгерском музыканте», даровавшем во время «благоговейного слушания» волшебной музыки арестантам возможность «почувствовать себя людьми» [5, с. 339].

В романе упоминается также безымянный венгерский врач, который спасал истощённых заключённых, рискуя жизнью, в лагерной больнице.

Мы остановились на наиболее ярких образах венгров, встречающихся в романе. А.М. Гилязов старается быть максимально объективным в своих оценках. Писатель констатирует, что венгры в подавляющем большинстве своём были настроены против советской власти, являлись «кровными врагами сталинского и советского деспотизма». В то же время встречались в их среде и исключения из правил: «майор советской армии, мадьяр по фамилии Ходяш». Венгр был уверен, что оказался в пересыльной тюрьме по ошибке. Во время спора заключённых Ходяш выступил в защиту Сталина: «Если бы про всё это знал Сталин, он бы... Эти обманщики водят за нос и партию, и нашего вождя». Однако сокамерники «выслушали его в непривычной тишине, озлобленно оглядываясь» [5, с. 54].

Татарский писатель подробно описывает содержание своих ночных разговоров с Арпадом Галгоци о политическом режиме, литературе, истории Золотой Орды, живописи. А.М. Гилязов был бригадиром, поэтому А. Галгоци шутил, обращаясь к нему «Хан Батый». У них был один литературный наставник – Сергей Сергеевич Козлов-Куманский, большой поклонник поэзии Пастернака и Мандельштама. Любимым произведением двух друзей стала поэма М.Ю. Лермонтова «Демон». В архиве татарского писателя сохранились два рисунка А. Галгоци карандашом.

Таким образом, моделируя поле «венгерской национальной идентичности» в романе,

А.М. Гилязов включает в него следующие доминанты: национальную гордость, радикальный национализм, социальный консерватизм. Татарский писатель указывает на изящество и красоту внешнего облика венгров. Не ускользнула от его внимания и их образованность и тяга к искусству. А.М. Гилязов обращает внимание на жизнелюбие венгров, на их позитивный настрой, высокую духовность, трудолюбие, эмоциональность, чувствительность, склонность к самообразованию.

Оказавшись в одиночной камере, А.М. Гилязов размышляет о Боге. С сожалением он констатирует, что в детстве родители дали ему атеистическое воспитание. Наблюдая за заключёнными в лагере, писатель пришёл к выводу, что в кризисных ситуациях узники всегда обращаются к Богу: «Вообще, мужчины на зоне плачут редко. Если и плачут, то никому не показывают своих слёз. «Йа хода!» – сокрушаются татары, «О боже!» – вскрикивают русские, «Иштенем!» – говорят венгры. Во время таких возвышенных обращений к Всевышнему, к последнему и единственному помощнику и защитнику, конечно же, не обходится и без невольных слёз. Каждый обращается к нему по-своему, на родном языке, на языке веры. И о слёзах должен знать только Всевышний!.. Слёзы, пролитые во время общения с Сыном небес, разве это не самые дорогие наши слёзы?! В них правда, искренность, чистота, потому что Богу не врут...» (Пер. Н.Ишмухаметова) [5, с. 349].

В 2017 г. роман А.М. Гилязова был переведён на венгерский язык и заинтересовал венгерских читателей [21]. В течение года книга выдержала два переиздания. В Венгрии дорожат памятью о ГУЛАГе и революции 1956 года. История страны

тесно переплетается у венгров с семейной, личной историей. Венгры уделяют огромное внимание поддержке собственной идентичности, поэтому дорожат любым упоминанием о себе как нации в мировой литературе. Роман заинтересовал их не только историзмом и объективным анализом проблемы тоталитаризма в XX в., но и тем, что в книге увековечены под своими именами реальные узники-венгры, из портретов которых складывается образ гордого венгерского народа [17; 22].

Выводы

Венгерская тема прочно вошла в творческое сознание татарского писателя Аяза Гилязова. В модели восприятия *Другого* А.М. Гилязов базируется не на принципе отрицания *чужого / другого*. Венгрия превращается для него в «островок свободы духа» в годы социализма, а венгры – в народ-побратим, имеющий общую с татарами историческую родину на Волге, пример для подражания в деле конструирования собственной национальной идентичности. Культурный дискурс восприятия страны у А.М. Гилязова переплетается с политическим. Образы венгров в его творчестве отличаются глубокой типизацией. Татарский писатель продемонстрировал великолепное знание человеческой природы. А.М. Гилязов стремится к универсализации национальных характеристик в некий психологический тип. В глубинах сознания венгров татарский писатель разглядел обилие экспрессивности, динамику, социальную активность, нацеленность на противодействие реальности. Венгерский национальный характер у А.М. Гилязова строится на отождествлении национальной и культурной идентичности.

Список литературы

1. Бреева Т.Н. Специфика конструирования образа Чужого / Другого в славянском фэнтези // Филология и культура. Philology and Culture. 2014, № 1 (35). С. 163 – 167.
2. Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань: РИЦ “Школа”, 2009. 612 с.
3. Галгоци А. Ни шагу / пер. с венг. Н.Ишмухаметова // URL: <http://sntat.ru/kultura/ni-shagu-rasskaz-arpada-galgotsi-tovarishcha-ayaza-gilyazova-po-gulag/> (дата обращения 19.01.2018).
4. Гилязов А. Вернись к истоку // Девичьи письма. М.: Современник, 1973. С. 49–152.
5. Гилязов А.М. Давайте помолимся! Казань: Тат.кн.изд-во, 2017. 511 с.
6. Гилязов А. При свете зарниц // Гилязов А. При свете зарниц. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1986. С. 7–109.
7. Гилязов А.М. При свете зарниц. Казань: Тат.кн.изд-во, 2017. 511 с.
8. Гилязов А. Три аршина земли // Дружба народов. 1964. №6. с.65–104.
9. Гыйләжев А.М. Сайланма эсәрләр 6 т. т.5. Казан: Тат. кит.нәшр., 2016. 743 б.
10. Гыйләжев А.М. Татарстан можизасы. Казан: Тат. кит.нәшр., 1978. 334 б.
11. Дюкин С. Венгрия и Россия. Опыт сравнительного ментального анализа. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2017. 100 с.

12. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 222 с.
13. Егоров А. Три интервью о А. Гилязове // Казанский альманах. 2009, № 5. С.131–148.
14. Хабибуллина Л.Ф. Национальное и конфессиональное в русской и английской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2013, № 2(32). С. 340–343.
15. Хабутдинова М.М. Национальный хронотоп в творчестве А. Гилязова // Вестник ТГПИУ. 2010. №2(20). С.188–196.
16. Хабутдинова М.М. Аяз Гыйләжевнең башлангыч чор ижатына гомуми күзәтү // Гыйләжев А. Сайланма әсәрләр 6 т. т.2. Казан: Тат. кит.нәшр., 2014. С. 502–589.
17. Bemutatták a Gulágról írt könyvet // Rakosmente. 2017. 19.06.
18. Galgóczy. Á. A túlélés művészete. Budapest, Valo Art, 2007. 248 p.
19. Galgóczy. Á. Fények a vaksötétben. Budapest, Valo-Art, 2008. 264 p.
20. Galgóczy Á. Azalagut Vege. Budapest, Valo-Art, 2009. 248 s.
21. Giljazov A. Imadkozzunk! Budapest: HVG PRESS. 2017. 416 s.
22. Tibor H. Magyarjárs Tatárszágban A.Giljazov egykori Gulág rab könyvbemutatója // Rakosmente. 2017. 16.06.

Сведения об авторе:

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Казанского федерального университета. Научные интересы: история русской и татарской литератур, текстология, имагология, искусствоведение. E-mail: mileuscha@mail.ru.

THE HUNGARIAN THEME IN THE WORKS OF AYAZ GILYAZOV

Milyausha M. Khabutdinova

Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Tatarstan, Russia.

The Abstract: *The article reveals the role of the Hungarian theme in the works of a Tatar writer Ayaz Gilyazov. Literary productions of the writer as well as his journalistic and epistolary heritage served as a material for analysis.*

We have proved that interest in Hungary is due to A. Gilyazov's biographical facts. The Tatar writer first encountered Hungarians during his studies at the Kazan University. Students from Hungary, who studied on the juridical and history and philology faculties of the University, were well educated, had knowledge of several languages and behaved with dignity. Closer acquaintance with the Hungarians took place in Stalin's Gulag camp in Karaganda (Karlag) in 1950–1955, where A. M. Gilyazov got after the arrest. According to the Soviet sources, 550.000 Hungarians were brought into the Gulag camps from Transcarpathia and Hungary. Among them was Arpad Galgoci, with whom Ayaz Gilyazov was tied by a strong male friendship. The Hungarians held in Karlag together, helped each other. They stood out among the prisoners by the level of their education, and the sense of self-esteem. That's why, Ayaz Gilyazov, while staying in the camp felt a deep respect to the representatives of this nation. It became the basis for a creative interpretation of Hungarian theme in the future.

In A. Gilyazov's prose Hungarians act in the roles of cameo characters. We revealed the prototypes of the Hungarian heroes in the archival materials and we reconstructed the prototype of the Hungarian theme. It is proved that the writer created the image of Hungary and the citizens as a multilayer construct that includes the notion about the state and its politics, culture, and national character.

Key Words: *Tatar literature, Ayaz Gilyazov, prose, journalism, Hungary, Hungarians.*

References

1. Breeva T.N. Spetsifika konstruirovaniia obraza Chuzhogo/Drugogo v slavianskom fentezi [The specifics of alien/another one image construction in the Russian fantasy] // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2014. № 1 (35). p. 163 – 167. (in Russian)
2. Breeva T.N., Khabibullina L.F. Natsional'nyi mif v russkoi i angliiskoi literature. [The national myth in Russian and English literature]. Kazan: RITs "Shkola", 2009. 612 p. (in Russian)

3. Galgóczy A. Ni shagu [Not a step!] / per. s veng. N. Ishmukhametova // URL: <http://sntat.ru/kultura/ni-shagu-rasskaz-arpada-galgotsi-tovarishcha-ayaza-gilyazova-po-gulag/> (data obrashcheniia 19.01.2018).
4. Giliyazov A. Vernis' k istoku [Go back to the source] // Devich'i pis'ma. M.: Sovremennik, 1973. S. 49–152. (in Russian)
5. Giliyazov A.M. Davaite pomolimsja! [Let us pray!]. Kazan, Tatknigozdat, 2017. 511 p. (in Russian)
6. Giliyazov A. Pri svete zarnits [By the light of summer lightnings] // Giliyazov A. Pri svete zarnits. Kazan': Tat. knizhn. izd-vo, 1986. S. 7–109. (in Russian)
7. Giliyazov A.M. Pri svete zarnits. [By the light of summer lightnings]. Kazan', Tatknigozdat, 2017. 511 p. (in Russian)
8. Giliyazov A. Tri arshina zemli [Three arshins of land] // Druzhba narodov. 1964. №6. S.65–104. (in Russian)
9. Gilyazov A.M. Sailanma əsərlər 6 t. [Selected works in 6 t.] t.5. Kazan: Tat. kit.nəshr., 2016. 743 b. (In Tatar)
10. Gilyazov A.M. Tatarstan mogijasy. [The miracle of Tatarstan]. Kazan, Tat. kit.nəshr., 1978. 334 b. (in Tatar)
11. Diukin S. Vengriia i Rossiia. Opyt sravnitel'nogo mental'nogo analiza. [Hungary and Russia. The experience of comparative mental analysis]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2017. 100 p. (in Russian)
12. Dybo A.V. Lingvisticheskie kontakty rannikh tiurkov: leksicheskij fond: pratiurkskij period. [Linguistic contacts of early Turks: the lexical Fund: the protoTurkic period] M.: Vost. lit., 2007. 222 s. (in Russian)
13. Egorov A. Tri interv'iu o A. Giliyazove [Three interviews about Ayaz Gilyazov] // Kazanskii al'manakh. 2009, № 5. p.131–148. (in Russian)
14. Khabibullina L.F. Natsional'noe i konfessional'noe v russkoj i angliiskoj literature [The national and confessional components in Russian and English literatures] // Filologija i kul'tura. Philology and Culture. 2013, № 2(32). p. 340–343. (in Russian)
15. Khabutdinova M.M. Natsionalni chronotop v tvorvestve A. Gilyazova [National Chronotops in the Works of A.Gilyazov] // Vestnik TGGPU. 2010. №2(20). S.188–196 (in Russian).
16. Khabetdinova M.M. Aiaz Gilyazevnen bashlangych chor izatyna gomumi kuzetu [A review of the early work of A. M. Gilyazov] // Gilyazov A. Sailanma əsərlər 6 t. t.2. Kazan: Tat. kit.nəshr., 2014. 502–589. (in Tatar)
17. Bemutatták a Gulágról írt könyvet // Rakosmente. 2017. 19.06. (in Hungarian)
18. Galgóczy. Á. A túlélés művészete. Budapest, Valo Art, 2007. 248 p. (in Hungarian)
19. Galgóczy. Á. Fények a vaksötétben. Budapest, Valo-Art, 2008. 264 r. (in Hungarian)
20. Galgóczy Á. Azalagut Vege. Budapest, Valo-Art, 2009. 248 s. (in Hungarian)
21. Giljazov A. Imadkozzunk! Budapest: HVG PRESS. 2017. 416 s. (in Hungarian)
22. Tibor H. Magyarjárás Tatárországban A.Giljazov egykori Gulág rab könyvbemutatója // Rakosmente. 2017. 16.06. (in Hungarian)

About the author:

Milyausha M. Khabutdinova – PhD, associate professor of Tatar Literature Department, Kazan Federal University. Spheres of research and professional interest: the history of Russian and Tatar literatures, textual criticism, imagology, art. E-mail: mileuscha@mail.ru.

* * *